

Галлицизмы и «макаронизмы» у Гоголя

Культура двуязычия в России, расцвет которой во многих отношениях пришелся на пушкинскую эпоху, проявлялась, как известно, не только в возможности свободного владения образованными людьми в равной степени французским и русским языками, но также и в особом типе макаронического мышления, смешения русских и французских фраз или отдельных слов - того, что с легкой руки А.С. Грибоедова получило ироническое название смешения «французского с нижегородским», но что, несомненно, характеризовало как устную, так и письменную речь образованного человека той поры. И еще Пушкин, как о том свидетельствовал П.А. Вяземский, называл французские слова в русской речи «яркими заплатами», способными привлечь внимание читателя»¹.

К середине XIX в. эта культура двуязычия постепенно идет на убыль; последний ее, получивший заметное литературное выражение выплеск относится к 1860-м гг., когда появляется первая редакция «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Однако гоголевское поколение еще охотно прибегает к «французским заплатам» в русской речи, так что даже выходцы из недворянского сословия нередко вольно или невольно демонстрируют свое знание французского языка.

Иначе обстояло дело с самим Гоголем, ни в художественных произведениях которого, ни даже в письмах мы французской речи почти не встречаем. Казалось бы, свое отношение к французскому языку Гоголь гениально (от противного) высказал устами Анучкина (персонажа «Женитьбы»), да еще свахи, утверждавшей, что Агафье Тихоновне и вовсе не нужен французский язык, «все святые говорили по-русски.....» (V, 44), что в контексте последующей эволюции Гоголя звучит отнюдь не так комически, как это может показаться на первый взгляд. Также и в «Мертвых душах» изображение про-

винциального светского общества, при одном взгляде на которое можно подумать, что «это не губерния, это столица, это сам Париж!», вряд ли свидетельствует о галломании писателя.

Связано ли это было с плохим знанием самим Гоголем французского языка? Впрочем, известно, что в 1836 г., будучи в Париже, он несколько улучшил свой французский, так что был даже в состоянии понимать пьесы на французском языке². Последнее все же, судя по всему, не имело серьезных последствий, так что писатель и литературный критик Сент-Бев, один из немногих европейских литераторов не только встретившийся с Гоголем, но и оставивший свои воспоминания о встрече с ним, отмечал его слабое владение французским языком³.

Было ли это дополнительно связано еще и с тем, что – условно - можно было бы обозначить как комплекс «иностранца Василия Федорова»⁴? Впрочем, ведь и Гоголю ведомо было литературное двуязычие, только не то, к которому были привычны его современники, не русско-французское, но русско-украинское, стоившее ему в начале его литературной карьеры упреков в безграмотности и плохом знании русского языка⁵. Но ведь именно из этого двуязычия Гоголя и родился его неподражаемый стиль. Тогда почему такое отталкивание от возможностей использования в русской литературной речи французских вкраплений?

На самом деле, случаи, хотя и немногочисленные, использования галлицизмов и макаронизмов у Гоголя имеются, приходясь большей частью на поэму «Мертвые души». Другое дело, что часто они остаются в черновых редакциях, не доходя до белого текста; к тому же, в подавляющем большинстве случаев, они появляются «закамуфлировано» - в транслитерированном виде. Так что, зная в целом отрицательное отношение Гоголя к смешению русского языка с французским, тем интереснее эти случаи рассмотреть.

О том, что французские слова и выражения часто появлялись, например, у Пушкина (как и вообще практически у всех его современников) в тех случаях, когда им трудно было найти русский эквивалент, говорилось в на-

учной литературе немало⁶. У Гоголя подобные случаи практически отсутствуют. Также мы не находим у него характерные для разговорной речи первой половины XIX в. французские вкрапления, стилистически снижающие серьезный тон разговора (вариантом такого снижения является переход на французский при обсуждении денежных дел). Не находим мы у него и этикетных формул, разработанных во французском языке, и еще не слишком устойчивых в русском.

В остальном же случаи употребления Гоголем французских слов (чаще всего, как уже говорилось, в транслитерированной форме) легко поддаются тематической каталогизации: в основном это то, что связано с областью французской кухни и французских вин, с модой, флиртом, и, наконец, в более широком смысле – со светской жизнью.

К первой категории галлицизмов относятся, например: *госотерн*, который Ноздрев разливает гостям (ср.: «он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна»; VI, 75); *бургоньон* и *шампаньон*, смесь которых являла собой другая принесенная Ноздревым бутылка вина («Ноздрев велел еще принести какую-то особенную бутылку, которая, по словам его, была и бургоньон и шампаньон вместе»; там же); *клик* *матрадура*, или *двойное клико*, которое Ноздрев, если верить его рассказам, пил на ярмарке, и *бонбон*, которое «из дальней комнатки» достает для него лавочник Пономарев (VI, 65); *фрикасе*, которые готовят по заграничному образцу и которые так презирает Собакевич («Это всё выдумали доктора немцы да французы; я бы их перевешал за это!»; VI, 98–99); *пулярка с финтерлеями*, которую заказывает себе капитан Копейкин (ср.: «Зашел в Палкинский трактир <...> пулярку спросил с разными финтерлеями»; VI, 202); *фензерв*, который готовит французский повар и который являет собой *рассуне деликатес* в глазах изголовавшего Копейкина (VI, 203). В одной из черновых редакций «Мертвых душ» присутствует желание Ноздрева *уко́нтендовать* Чичикова венгерским

(«Каким, брат, я тебя уконтантую венгерским!»; VI, 390) – от французского *contenter* - удовлетворить⁷.

Из области моды приходят в гоголевский текст галлицизмы - *рюши* и *трюши*, украшавшие одежды дамы на балу, на котором Ноздрев побывал вместе с Кувшинниковым («Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и чорт знает чего не было...»; VI, 66); *фестончики*, которые, по словам просто приятной дамы, пришли на смену оборкам («“Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков...”»; VI, 181).

В отношении влюбившейся в него графини Ноздрев употребляет свое знаменитое *субтильной суперфлю* («...кисет, вышитый какою-то графинею, где-то на почтовой станции влюбившеюся в него по уши, у которой ручки, по словам его, были самой субтильной сюперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства»; VI, 75), а в отношении другой, которую он прочит Чичикову – *чудо коленкор* («”А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, так вот уж девушка! можно сказать: чудо коленкор!”»; VI, 214); Анна Григорьевна (дама приятная во всех отношениях) описывает подозрительное поведение Чичикова в терминах *строить куры* (VI, 183), а до того Софья Ивановна (дама просто приятная) описывает последние нововведения моды как условие, без которого нельзя стать *бель-фам* – от французского *belle femme*, красивая женщина (ср.: «...юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы <...> чтобы была совершенная бель-фам”»; VI, 181).

В светских разговорах появляются и *сконапель истоар* - транслитерация французского выражения: *ce qu'on appelle histoire* (то, что называется историей) (ср.: «Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар”, говорила гостя с выражением почти отчаяния»; VI, 182), и *просто оррер* - транслитерация французского слова *horreur* (ужас) в рассказе Софьи Ивановны о проделках Чичикова (ср.: «Словом, скандальозу наделал ужасного: вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит, никто никого не понимает, — ну, просто, оррёр, оррёр, оррёр!...»; VI, 183). Единственное нетранслитери-

рованное, сохраненное во французском написании выражение *en gros* появляется в рассказе о своей светской жизни Ноздрева («А сколько, брат, было карет, и всё это *en gros*»; VI, 66). Сам повествователь дает столичный французский эквивалент тому, что в провинции именуют слухами, употребив слово *комеражи* - от французского *commérage* – сплетни, пересуды (ср.: «Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов»; VI, 191).

Так что же получается? Гоголь, оговорив (как в свое время это сделал Пушкин по поводу французского письма Татьяны, изложенного им по-русски, да еще и стихами), что «как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России», он все же «не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» и потому будет «продолжать по-русски», вводит тем не менее некоторое количество галлицизмов в свой текст. Конечно, можно сказать, что все они контекстуально локализованы и обоснованы совершенно конкретными обстоятельствами и персонажами: большинство галлицизмов спровацированы Ноздревым, двумя дамами (просто приятной и приятной во всех отношениях) и почтмейстером, рассказывающим в меру своих сил и возможностей о сладостях столичной жизни.

Однако стоит взглянуть в то, что мы до сих пор называли галлицизмами Гоголя, пристальнее, как тут же обнаруживается примечательная вещь. Оказывается, Гоголь использует не французские слова и выражения, но некий «образ» французских слов и выражений, немало мистифицируя при том читателя. Некоторые же его мистификации оказались настолько удачными, что держали в заблуждении на протяжении многих десятилетий не только читателей, но и комментаторов Гоголя.

Начнем с названий вин. Ноздрев, как мы уже помним, «налил <...> гототерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого со-

терна». «Сотерн – название вина по местности, где оно производится, т.е. деревни Sauternes в департаменте Жиронда на юге Франции. Название же “го-сотерн” восходит к французскому словосочетанию Haut sauternes, в котором прилагательное haut (высокий) обозначает высокое качество продукта; при этом в русском произношении в написании “го-сотерн” (или слитно – “госотерн”) закрепилось прочтение “h” как “г”», - пишет современный исследователь, специально посвятивший статью исследованию данной лексемы⁸.

Как лингвист он скорее всего прав. Однако история французского виноделия несколько опровергает данную гипотезу. Дело в том, что госотерн (Haut sauternes), разновидность сотерна (официальное название – Chateau d`Укем), известного белого десертного вина, которое в Россию поставлялось колоссальными партиями (большим любителем сотерна в России был, например, великий князь Константин Павлович), пользовался и во Франции, и в России гораздо меньшим спросом, чем просто сотерн. Ноздрев наивно полагает, будто прилагательное haut (высокий) обозначает высокое качество продукта. На самом же деле, оно указывает лишь на то, что виноград, из которого сделано вино, произрастает на более возвышенной местности, чем виноград, из которого делается «просто сотерн» (ср. географическое различие, например, Савойи и Верхней Савойи - Savoie – Haute Savoie). Так что реплика Гоголя, известного своими гастрономическими познаниями, носит откровенно иронический характер, а галлицизм «госотерн» оказывается той ловушкой, в которую ловится не только Ноздрев, но и в дальнейшем многие читатели «Мертвых душ».

Аналогично происходит и в случае с «двойным Клико», или «кликотрадура» . То, что алогизм этого словосочетания проистекает из соседства разнородных предметов: клико – вид шампанского, матрадура (или матрадур) – устаревшая пляска, - уже давно очевидно. Но, по-видимому, попавшись на ту же удочку, что и в случае «госотерна», комментаторы серьезно объясняют, что «двойное Клико» есть высший сорт шампанского⁹, в то время как на самом деле двойного Клико в виноделии просто не существует.

Но и в случае «бутылочки французского под названием: бонбон» Ноздрев попросту путает «бурбон» (американская разновидность виски) с несуществующим бонбон, что по-французски означает «конфета». А «бургоньон и шампаньон вместе» есть не только искаженные названия французских названий вин «бургундское» (Bourgogne) и «шампанское» (Champagne), но еще и, в первом случае, скорее всего контаминация искаженного названия вина с именем французского художника-баталиста XVII в. Бургиньона, писавшего картины на военные сюжеты.

Ноздрев хвастается, что карет было «en gros» (в одной из более ранних редакций поэмы это выражение было транслитерировано: «Карет, веришь ли, какая гибель! и все это такое ангро»; VI, 726¹⁰), и, поддавшись этой мании величия Ноздрева и дословному смыслу выражения, комментаторы переводят его как «во множестве», хотя по-французски выражение означает «оптом» (здесь, как и в предыдущих случаях, Ноздрев путается в значении употребляемых им французских слов).

Но и в других случаях транслитераций Гоголь, как выясняется, почти всегда либо искажает фонетическую (или орфографическую) форму оригинала, либо его значение, либо вообще придумывает некое несуществующее слово, но словно по образцу французского. Так, *finerbes* (финзерб – душистые травы, зелень, которую в мелко изрубленном или сушеном виде добавляют в пищу) превращаются в «фензерв какой-нибудь», который нередко опять-таки неправильно переводят как «пряный соус»¹¹. Если слово «пулярка» действительно можно рассматривать как галлицизм (от французского *roularde* – холощенная откормленная курица), то подаваемые вместе с ней «разные финтерлеи» есть явный гоголевский неологизм, и можно лишь гадать, действительно ли он произведен от французского слова «fin», что означает «нежный, изящный». По тому же принципу рядом с действительно существующим галлицизмом «рюши» (*ruches* – тюль, реденькая ткань для обшивочек, оборки) появляются «трюши», которые, даже если, как считает исследовательница, и образованы от «тру-тру» (фр. *trou-trou*) - названия легкой

ткани, похожей на газ¹², то все же в первую очередь являются неологизмом, лишь имитирующим галлицизм. «Сконапель истоар» - есть также искаженная транслитерация французского выражения «se qu'on appelle histoire» (то, что называется историей), демонстрирующая «неверную орфоэпию» французской речи провинциальных дам (должно было бы быть: «истуар»)¹³.

Но, возможно, из всех языковых мистификаций Гоголя «на тему галлицизмов» наиболее примечательными являются две: «субтильной суперфлю» и «рассупе деликатес».

Поддавшись, как и в случае «рюши-трюши», магии внутренней рифмовки («суб»-«суп»), Ноздрев, употребляя вновь невпопад французские слова (в то время, как для самого Гоголя это - совершенно оправданный словотворческий жест), по сути создает оксюморон: «субтильный» - от французского «subtil» - тонкий, изящный (ср. использование этого прилагательного в «Женитьбе»: «сам-то такой субтильный, и ножки узенькие, тоненькие» (V, 22) , и *superflu* – излишний. Последний эпитет ряд комментаторов, опять-таки, в поисках смысла, который здесь явно отсутствует, переводят по контексту: «изысканный».

И, с другой стороны, «рассупе деликатес». Здесь неологизм «рассупе» может быть истолкован как образованный из русской приставки «рас», имеющей в т. ч. значение превосходства (ср.: *распрекрасный*), и корня «супе», отсылающего одновременно и к русскому «суп», и к французскому редуцированному «*super*», имеющему то же значение превосходства, что и приставка «рас» (то есть получается что-то вроде «супер-супер деликатес»; интересно, что во второй черновой редакции также и слово «деликатес» было первоначально деформировано: «разсупе деликасет», а ручки влюбленной графини характеризовались сходным образом как «самой рассубтильный деликатес»).

Языковое это явление было, на самом деле, отрефлектировано лишь в XX в., получив наименование «слов-саквояжей», «слов-чемоданчиков» или, как их еще называют, «слов-бумажников», создаваемых из обломков разных

слов и тем самым отсылающих нас к разным значениям, что в результате создает амбивалентный, расходящийся по разным траекториям смысл¹⁴.

Так, возвращаясь в какой-то степени к традиции русской комедии XVIII в., в комических целях прибегавшей к смешению языков, Гоголь, сталкивая два языка иногда даже не внутри фразы, но внутри одного слова, предугадывает тем самым формы языкового экспериментаторства, которые получили распространение уже в XX в. – у Джойса, Кэрролла, Набокова, А. Арто.

А декларируемый им языковой пуризм и принцип несмешения языков, нежелание «внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» (VI, 183). оборачивается, если позволено здесь воспользоваться распространенной в гоголеведении метафорой, миражом галломании и соответственно миражными галлицизмами: французские слова казалось бы и присутствуют в тексте, но смысл их неявен, призван запутать и мистифицировать читателя.

В определенном смысле можно было бы сказать, что в отношении к французскому языку Гоголь повел себя так, как в 1845 г. повел себя в отношении к Парижу: «О Париже скажу тебе только то, что я вовсе не видел Парижа. <...> Жил внутренно, как в монастыре» (XII, 456–457).

¹ *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813-1848). М.: АН СССР. 1963. С. 121.

² Письма Андрея Николаевича Карамзина к своей матери, Екатерине Андреевне // *Старина и новизна.* 1914. Кн. 17. С. 281.

³ *Laffite Sophie.* Gogol et Sainte-Beuve // *Oxford Slavonic Papers.* 1964. Vol. XI.

⁴ Ср. у Гоголя многочисленные вариации на эту тему, в которых он пытается разрешить антиномию Своего и Чужого: петербургские ремесленники Шиллер и Гофман в «Невском проспекте», Мастер Савелий Сибиряков, изготавливающий по ошибке турецкие кинжалы в четвертой главе первого тома «Мертвых душ», и портной из Петербурга, выставивший на вывеске «Ино-

странец, из Лондона и Парижа» из последней главы второго тома «Мертвых душ».

⁵ Ср., например, отзыв М.Н. Загоскина в передаче С.Т. Аксакова: «Надобно сказать, что Загоскин, также давно прочитавший “Диканьку” и хваливший ее, в то же время не оценил вполне <...> он находил везде неправильность языка, даже безграмотность» // *Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 4 т. Т. III. М., 1956. С. 153.*

⁶ См., напр.: *Вольперт Л.И. Пушкинская Франция. СПб.: Алетейя, 2007. С. 490-492; Розенцвейг В.Ю. Русско-французское литературное двуязычие XVIII – середины XIX века // Русская литература на французском языке XVIII-XIX веков. La littérature russe d`expression française. XVIIIe – XIXe siècles. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36. Wien, 1994. С. 69 и далее; см. также наши статьи: *Дмитриева Е.Е. Поэтика французских писем Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения. Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986. С. 45-59 ; Dmitrieva Katia. La correspondance française de Pouchkine: ruptures mentales, ruptures nationales // Philologiques III. Sous la direction de M.Espagne et M.Werner. Paris, 1994.**

⁷ В. Даль, правда, описывает данную форму как особенность рязанского говора (см.: *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1955. Т. 4. С. 483).*

⁸ *Добродомов И.Г. Об одной нерегулярной приставке со значением высшего качества // Русский язык в школе. 1994. № 5. С. 83.*

⁹ См., напр., примечания к «Мертвым душам» в издании: *Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Под ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 5. М., 1978. С. 528.*

¹⁰ *Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. С.726.*

¹¹ *Гоголь Н.В. Собрание сочинений. М., 1978. Т. 5. С. 531.*

¹² *Курсанова Р. М.. Костюм в русской художественной культуре 18- первой половины 20 вв., М., 1995. С.155. См. также: Курсанова Р. М. Одежда, ткани,*

цвето-обозначения в «Мертвых душах» // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М.: 2009. С. 245-251.

¹³ См.: *Ерофеев В.* Французский элемент в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Известия Академии наук. Сер. лит. и яз. М., 1988. Т. 47. N 1. С. 34.

¹⁴ Понятие впервые было введено Л. Кэрролом (ср. объяснение Шалтая Алисе: “Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения” – *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране Чудес. М., 1991. С. 178.